

Десять дней в Америке

Рассказывает народная артистка СССР Мария БИЕШУ

Приглашение петь в Нью-Йоркской опере я получила еще в 1967 году в Японии от художественного руководителя «Метрополитен-оперы» Роберта Хэрмана, который был одним из членов жюри конкурса «Мадам Баттерфляй». И хотя за прошедшие с тех пор четыре года я выступала во многих странах Европы, поездка за океан вызывала беспокойство. Радовала, конечно, высокая честь выступать в театре, со сцены которого звучали голоса лучших певцов мира: Э. Карузо, М. Дель Монако, М. Каллас, Л. Прайс, Р. Тибальди. Из русских артистов в «Метрополитен» пел Ф. Шаляпин, а в советское время — П. Лисициан (1950 год) и Г. Вишневецкая (1961 год). Так что мне предстояло защищать в Америке честь советской вокальной школы, показать ее достижения за последние десять лет — и это волновало больше всего.

Прилетели в Нью-Йорк уже ночью. Я очень волновалась: встретят ли? Но как только вышла из самолета, услышала голоса: «Мария! Мария!» Это были Роберт Хэрман и сотрудник советского посольства, специально прилетевший из Вашингтона. Быстро пронеслись мы по залитому огнями рекламы Нью-Йорку. Кстати, этот многомиллионный город, средоточие самых невероятных контрастов, наряднее выглядит ночью. Сверкающая реклама надевает на него волшебный наряд, который днем, как всякое волшебство, пропадает, оставляя грандиозное и устрашающее скопище домов в тумане, насыщенном парами бензина.

Еще о контрастах. Едва успела я устроиться в комфортабельной гостинице, постучался администратор.

— Мы предупреждаем всех иностранцев, мисс, — сказал он, — открывайте дверь посторонним только на цепочку и не выходите на улицу после семи часов вечера — у нас очень опасно. Вооруженные бандиты нас буквально блокировали — и на улице, и в самом здании. Еще раз прошу, будьте осторожны!

Вот тебе раз! Кичатся роскошными лайнерами, сверкающими витринами магазинов, массой машин... И постоянно боятся за свою жизнь.

На другой день утром я уже была в театре, начала репетировать с концертмейстером. После первых же минут занятий пианистка повернулась ко мне и сказала: «Вы будете иметь успех». Она оказалась доброй прощницей.

Потом меня познакомили с режиссером Ф. Мелано, поставившим «Паяцы» в «Метрополитен-опере». Я боялась, что моя трактовка роли Недды резко разойдется с американской, но опасения быстро развеялись. Партнеры по спектаклю оказались приветливыми людьми, все они говорили по-итальянски, так что мы хорошо понимали друг друга. Общий язык нашла я и с дирижером, молодым, но уже знаменитым К. Кейном. Так с первых же дней установилась дружеская атмосфера, и все репетиции, несмотря на напряженность, прошли успешно.

Настал день спектакля. Огромное новое здание театра, построенное в Линкольн-центре, залито огнями. В зрительном зале 3.800 мест — и все они заняты. «Метрополитен-опера» — ведущий и единственный постоянный оперный театр США. Представления там идут почти всегда с аншлагом. Ежегодно на сцене театра выступают молодые певцы разных стран, уже получившие международное признание. Нынче сезон открыла я, а вслед за мной Нью-Йорк услышит англичанина Причарда, итальянца Вотаццо, немца Валлата, венгра Отваса.

Я пришла в театр задолго до начала. Открыла дверь в отведенную мне артистическую уборную и остановилась в удивлении. Комната утопала в цветах. Японские хризантемы, розы, фиалки и какие-то неизвестные мне яркие экзотические растения стояли на столах в красивых вазах. Оказалось, что здесь такой обычай: после спектакля артиста награждают только аплодисментами и возгласами одобрения, а цветы приносят в уборную заранее. На сцену передавать ничего не разрешается, к ней со стороны зрительного зала и подойти нельзя. Это вызвало теми же парадоксами американского образа жизни: бывали случаи, когда в старом здании не-

понравившемуся певцу бросали на сцену букеты цветов, в которых были спрятаны бомбы со слезоточивым газом.

Не успела я осмотреться, как в комнату вошел незнакомый молодой человек. Ни слова не говоря, усадил меня в кресло и начал гримировать. Оказалось, что это был лучший гример оперы, обслуживающий только тех певцов, кому предрешен успех. Правда, молодой человек оказался мастером своего дела и загримировал меня отлично.

Сцену я старалась изучить и раньше, но сейчас, когда вышла петь перед зрителем, ее размеры снова ошеломили меня — раза в четыре больше, чем в нашем театре. Декорации домов, деревьев делаются в натуральную величину, повозку с бродячей труппой везет настоящая лошадь. Роль Недды очень динамична, и мне пришлось почти бегом передвигаться по этому огромному пространству. Конечно, такие размеры имеют свои преимущества — можно создать большой хор и оркестр, но певец, по крайней мере, мне так показалось, чувствует здесь себя песчинкой. Нет, наш Большой театр все-таки вне конкуренции: он такой уютный, человеческий. Там действительно ощущаешь себя героиней, а не придатком к роскошному зданию.

Сначала я пела и играла, как в тумане. И только когда после первой арии Недды раздался аплодисменты, поняла, что все идет, как надо.

...Отзвучали последние ноты финального акта, актеры выходят на аплодисменты. Когда подошел мой черед, поднялся и стал аплодировать весь оркестр. Это было особенно приятно — высокая оценка профессионалов.

Десять дней в незнакомой стране — это очень мало. Тем более, что я почти все время проводила в театре — днем репетировала, вечером ходила на спектакли. Была на нескольких приемах, но с простыми американцами, к сожалению, почти не общалась. Надеюсь, что новое приглашение петь в «Метрополитен-опере» в следующем сезоне поможет мне восполнить этот пробел.

Накануне спектакля новый

директор театра, вступающий в должность с 1972 года, Г. Гентель попросил меня спеть несколько арий, в том числе и из русских опер. После прослушивания он сказал:

— Я приглашаю вас в мой первый сезон на постановку «Пиковой дамы» на русском языке, а также на роли Анды, Чио-Чио-Сан, Тоски, Дездемоны, Леоноры. Недда — это первое знакомство с советской певицей, а затем мы хотим послушать вас в других партиях, где есть возможность шире и глубже продемонстрировать ваши вокальные данные.

На днях я получила официальное письмо через Госконцерт СССР, подтверждающее это предложение.

А сейчас мне хочется от всего сердца поблагодарить друзей из молдавской оперы, которые помогли мне подготовить партию Недды. Прекрасно всего — моего постоянного концертмейстера О. М. Янку, с которой мы репетировали даже во время отпуска в Гурзуфе. Главного режиссера театра Е. Г. Платона, который помог мне создать сценический рисунок роли. Дирижера И. М. Альтермана и весь оркестр, не пожалевших времени на репетиции. Директора Л. В. Люткевич, организовавшую гастроль оперы специально, как мы говорим, «для обкатки» роли Недды. И всему коллективу родного моего театра, готовившего меня к этим ответственным гастролем.

Каковы мои планы? Сейчас приступаю к работе над партией Катарины в опере В. Я. Шебалина «Укрошение строптивой». Это будет совсем новый образ, не похожий на созданные мною до сих пор. В конце года снова отправляюсь в зарубежную поездку — в Венгрию и Чехословакию. В будущем году мне предстоит еще одно радостное событие — буду работать в Большом театре Союза ССР с замечательным советским режиссером Б. А. Покровским над образом Тоски в его новой, очень интересной постановке.

Рассказ записала
А. КУТЫРЕВА.